

«Труд», 1948, 24 декабря

Петр ПРОСКУРИН:

Время, герои, книги

Писатель Петр Лукич Проскурин известен как автор романов «Горькие травы», «Глубокие раны», «Корни обнажаются в бурю», «Исход», «Камень-сердолик». Особое признание читателей получили две последние книги П. Проскурина «Судьба» и «Имя твое». За роман «Судьба» писатель награжден Государственной премией РСФСР имени М. Горького, а роман «Имя твое» удостоен первой премии Всесоюзного конкурса ВЦСПС и Союза писателей СССР на лучшее произведение художественной прозы о современном советском рабочем классе.

Рождение книги — процесс сложный и долгий. Особенно если книга эта — эпического характера, если она охватывает большой период времени, широкие пласты действительности. Такое произведение пишется не один месяц и даже не один год. Свою дилогию «Судьба» и «Имя твое» я писал более тринадцати лет. А сколько событий, встреч с самыми разными людьми, сколько напряженнейших поисков и раздумий предшествует тому моменту, когда писатель садится за стол, на котором лежит чистый лист бумаги. Но и этот момент вовсе не является началом непрерывной «кабинетной» работы. По крайней мере у меня так не бывает.

Проходит какое-то время — и снова собираешься в дорогу. Потому что в процессе творчества может образоваться несоответствие между живой действительностью и воплощением ее в книге, которую пишешь. Возникает необходимость сравнить эти два мира — существующий реально и созданный твоим воображением. Я говорю не о фотографическом тождестве, а о правде искусства. О правде характеров и жизненных ситуаций. Бывает так: вдруг чувствуешь — твой замысел в чем-то себя не оправдывает, события, вероятно, могут развернуться интереснее, да и суть их лежит где-то глубже. Но где? Вот тогда и появляется необходимость вернуться в те места, где был, встретиться с людьми, чьи характеры и судьбы когда-то взволновали и побудили взяться за перо.

Отодвигаясь в сторону исписанные листы бумаги и едешь, скажем, на Урал. Или в Сибирь. Или отправляешься в поездку по городам и селам Средней России. Где-то останавливаешься, всматриваешься, обдумываешь... Слово из чистого родника пьешь утоляющую жажду и придающую силы воду. Живую воду народной мудрости, устремленности в будущее, понимания прекрасного. Это самая лучшая проверка замысла, потому что народ всегда мудр.

Иногда после встречи с каким-либо человеком замысел книги поворачивается очень круто. Обретает плоть, зримость. Так было у меня много раз, когда я писал роман «Имя твое». На смоленской земле я встретил Николая Ивановича Москвина. Очень интересный человек. В войну он партизанил, потом работал секретарем Смоленского обкома партии, а до войны был простым крестьянином, затем директором совхоза там же, в Смоленской области. Одним словом, прошел по очень интересному жизненному пути, характерному для нашего времени. В его внутреннем облике много общего с одним из главных героев моей книги Захаром Дерюгиным. Некоторые случаи из жизни Москвина стали эпизодами романа. В одной из глав есть сцена, где Митька-партизан рубит сад, а Захар уговаривает его не делать этого. Так было в действительности. Председатель одного из смоленских колхозов собирался вырубить сад. Спас деревня Москвин. Может быть, Москвин и не считает это столь важным для себя событием, но мне этот эпизод многое дал для понимания моего героя.

На Урале я познакомился с директором крупнейшего трубного завода — Северского — Олегом Васильевичем Танцыревым. Он прошел путь от помощника мастера до главного инженера, а потом и до директора. Это человек, который мыслит настолько крупно, что без преувеличения можно сказать: у него государственный ум. Ему есть дело до всего не только на своем заводе. Его волнует все, что происходит в стране и в мире. Важнейшие события и процессы нашего времени он

анализирует, глубоко проникая в их суть. Я много разговаривал с ним, побывал в различных заводских цехах, стараясь лучше понять, как же в конкретных делах воплощаются его методы руководства, и после этого «сами собой» появились новые черты в характере другого главного героя моей книги Тихона Ивановича Брюханова — сначала секретаря обкома, потом начальника главка. Хотя их судьбы совершенно непохожи. Танцырев «дал» Брюханову и внешность, и особенности характера: решительность, умение ясно видеть перспективу.

В семидесятом году одна газета командировала меня на Каму, в Пермскую область. Конечно, главная моя цель была выполнить задание редакции, но был и дальний прицел, который в общем-то у писателя есть всегда, — искать то, что пригодится для художественного произведения. Я тогда писал роман и думал о его герое Захаре Дерюгине. Так и получилось, что Захар в моей книге попал на Среднюю Каму, работал в леспромхозе, там произошло одно из самых драматических событий его жизни: умерла его любимая — Маня Поливанова. И сын его остался работать в этих местах... И вот, когда в этом году я снова побывал в Пермской области, многие мне говорили: «Значит, потянуло в места, где случилось то, что описали в книге?» На читательских конференциях меня спрашивали, где похоронена Маня Поливанова, где работает сын Захара, считали, что эти места дороги мне потому, что дороги моему герою. И, наверное, это правда. Жизнь и литература тесно переплетаются и влияют друг на друга.

Конечно, я не переношу автоматически в книгу то, что увидел. Я пробовал как-то писать, соблюдая фотографическую верность действительности. Получилось неинтересно. Даже если чье-то лицо описать максимально точно, без творческого осмысления, пусть лицо это очень любопытно. — все равно в художественном произведении описание будет блеклым. Происходит какое-то таинство: материал проходит через душу писателя. Но потому литература и привлекает широкий круг людей. Писатель каждую встречу, каждый штрих биографии заинтересовавшего его человека пропускает через свое сердце и, как кирпичик, кладет в общий замысел произведения. У меня, как правило, бывает так: если уж какое-то яркое лицо перед глазами промелькнуло, если столкнулся с любопытным явлением, то это часто отражается в каком-либо произведении. Если первого впечатления недостаточно, что ж, буду возвращаться снова и снова к тому, что запало в память.

Вот встреча, которая пока еще не стала толчком для замысла книги. Но я ее запомнил, и не исключено, что она войдет в будущую книгу. Недавно я был в Донецкой области и совершенно неожиданно узнал, что там есть уникальное рыбное хозяйство «Донрыбокомбинат» — в прудах, на засухливых землях. Оно, оказывается, дает до двадцати видов рыбы. С Черного моря за рыбой приезжают сюда, в донецкие степи. Откуда взялось это хозяйство? А вот откуда. Нашелся энтузиаст по имени Борис Александрович Николюк, который лет двадцать назад начал на заброшенных прудах разводить рыбу. Сейчас специалисты из многих стран Европы, из Канады, из Соединенных Штатов, из Японии приезжают сюда перенимать опыт. А Борис Александрович стал генеральным директором комбината.

Я заинтересовался этим человеком, его талантом, взаимовлиянием таланта и различных черт его ха-

рактера. Когда писатель начинает погружаться в характер какого-либо человека, он должен прежде всего выявить в нем нечто особенное, вытащить это на поверхность и сделать определяющей чертой характера. Тогда образ станет доступным чувственному восприятию читателя, приблизится к истине. К художественной правде.

Вот так собираешь по крупицам впечатления, характерные для нашего времени, для нашей страны, помогающие понять жизнь в ее сложности и многообразии. Встречаешь разных людей и, стараясь глубже в них проникнуть, постигаешь душу народа. Если писатель хочет понять народ со стороны, его книга никогда никого не затронет, она умрет уже на письменном столе. Только изнутри можно понять движения народной души, ее стремления. В этом ведь и состоит задача писателя.

Бывает, народ сам еще не осознает, а художник угадывает перемены или назревание перемен в образе жизни народа и в его психологии. Леонид Леонцов написал свой «Русский лес», когда еще не заботились об охране леса. А он задолго до того, как началось движение за сохранение природы, предугадал его, предугадал необходимость в нем. У него получился роман-предостережение, роман-предчувствие.

Меня больше всего интересует развитие русского национального характера. Я пытался исследовать его, работая над образом Захара Дерюгина и других героев дилогии «Судьба» и «Имя твое». Я думаю, эта тема будет занимать меня и дальше. Изменения народного характера в изменяющихся социальных условиях, его связи в огромном мировом сообществе, — на мой взгляд, это очень интересно. Меня волнует не северный русский характер, не южный, не сибирский, а тот обобщенный характер русского человека, к отражению которого в литературе призывал еще Горький. Как его познать? Через духовный облик каждого человека, встречающегося на твоём пути.

Какие изменения народного характера можно сейчас наблюдать? Ответить на это несколькими словами трудно. Пожалуй, углубляются и расширяются те процессы, начало которым положила еще Октябрьская революция. Раньше для человека самым главным было «мое», это насаждалось тысячелетиями. И вот самым главным становится «наше». Так какими же мы стали? Что осталось в нас от прошлого? Каковы эти рудименты?

Можно проследить и развитие вечной дружественности русского народа по отношению к другим народам, его миролюбивости — то есть тех черт, на основе которых построен наш интернационализм, наша внешняя политика. Нельзя забывать и о том, что за шестьдесят лет значительно поднялся культурный уровень народа. Каждый человек обладает сейчас такой суммой знаний, которая вызывает огромные изменения в психологии, в образе жизни. Накопление знания народом, безусловно, сказывается на его характере. Можно назвать немало различных граней русского характера, советского характера, неисчерпаемого для исследования художника.

...Моя дилогия уже давно закончена. По книге «Судьба» поставлен спектакль, снят фильм. В сценарии фильма появились новые персонажи и сюжетные линии, хотя дух книги сохранен.

А все-таки не оставляет мысль: в какой степени удалось мне в книгах приблизиться к истине? Куда бы я ни приезжал, снова и снова приходит этот вопрос.

Недавно я совершил большую поездку, побывал на многих заводах авиамоторной промышленности, о становлении которых рассказывал в дилогии. Еще раз увидел, каких трудов это стоило, вспомнил людей, которые отдавали все свои силы строительству нашего государства. И еще раз подумал, что не ошибся в выборе героев. Наверное, не раз буду к ним возвращаться. К людям труда, к тем, кого по праву с гордостью мы называем — рабочий класс Страны Советов.